

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

I ЧАСТЬ – ПОДЗЕМНЫЙ МИР ПЛАНЕТЫ

1. КОНТИНЕНТ ВЕЧНОЙ НОЧИ

3. РЫЦАРИ ПОДЗЕМНОЙ КОРОЛЕВЫ

Итак, Всесоюзный рекорд перекочевал в Среднюю Азию.

Надо представлять внутривосточную обстановку в советском спелеотуризме тех лет, чтобы в достаточной мере ощутить аромат времени.

Организационно оформившись в системе советов по туризму и экскурсиям ВЦСПС (*49), советский кейвинг получил название СПЕЛЕОТУРИЗМ и приобрел соответствующую иерархическую структуру. На вершине пирамиды находилась Центральная секция спелеотуризма Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС (ЦСТЭ ВЦСПС). Возглавил ее, в то время аспирант Института кристаллографии АН СССР, а впоследствии доктор физико-математических наук, москвич Владимир Валентинович Илюхин. Со стороны спелеологии как науки спелеотуризмом руководил геолог, доктор геологических наук, во времена существования СССР председатель бюро Секции спелеологии Научного совета по геологии и гидрогеологии Академии Наук СССР (НГС и Г АН СССР), симферополец Виктор Николаевич Дублянский. Познакомившись в 1959 году при штурме пещеры Каскадная в Крыму, эти два незаурядных лидера надолго возглавили официальный спелеотуризм в стране – один, как прямой руководитель, второй – как "комиссар", идейный вдохновитель советских спелеоисследований.

Структура официального спелеотуризма совершенствовалась, приобретала характерные особенности и строение. Прежде всего, была создана система подготовки спелеотуристских кадров. Для того чтобы получить формальное право совершать пещерные путешествия, начинающему спелеотуристу необходимо было пройти три ступени подготовки в официальных учебных мероприятиях: школу предлагерной подготовки (ШПП), а затем последовательно лагеря Первого и Второго годов обучения, затратив на это около трех лет. Далее шла школа инструкторов спелеотуризма.

Понятно, что не у всякого хватало терпения одолеть столь длительный и суровый учебный процесс. Да и попасть на обучение могли далеко не все желающие. А пещеры с каждым годом привлекали к себе все больше любителей приключений. Желание работать в пещерах наталкивалось на невозможность получить официальную подготовку. Это становилось неким противоречием, подталкивавшим большое число кейверов к самостоятельным вылазкам, в обход официальных спелеотуристских структур и системы подготовки кадров.

Вторым противоречием спелеотуризма стала система маршрутно-квалификационных комиссий (МКК), через чью проверку обязаны были процеживаться все желающие совершить путешествия в пещеру. Каждая спелеоэкспедиция должна была заранее предоставлять в МКК заявочно-маршрутные документы, а по завершении отчитаться о походе с предоставлением материалов топографической съемки маршрута, и письменного отчета. По итогам рассмотрения и защиты таких отчетов МКК "засчитывала" или "не засчитывала" путешествие, по особому представлению присваивала или нет спелеотуристские звания и разряды, фиксируя таким образом квалификацию спелеотуристов.

Говоря о квалификации, следует заметить, что система МКК имела право "дисквалифицировать" любого спелеотуриста за нарушения каких-либо правил или условий, а их постепенно развелось великое множество. Таким образом, из консультативного органа, в первооснове нацеленного на обеспечение безопасности спелеопутешествий, в руках властителей от спелеологии МКК превратились в удобное орудие для сведения счетов с неугодными. А неугодных хватало во все времена.

Если говорить об отчетах и топографических материалах, то, на первый взгляд, в период интенсивного накопления спелеологической информации с стране, такой порядок оформления спелеопутешествия казался разумным. В это благодатное время каждый выход в пещеру, порой, приносил новые открытия.

Но время шло, удельный вес первопрохождений в общем числе пещерных экспедиций объективно снижался. А вот требования к их бумажно-документальному

оформлению, узаконенные постановлениями соответствующих организаций, как-то незаметно превратились в обязательные. Без всяких исключений и поправок на время и объективные изменения в спелеологической обстановке. Показательно, что требования эти, слегка изменяясь, сохранялись в "Правилах проведения туристских походов и путешествий по территории СССР" до последнего дня его существования.

Все бы хорошо, но вот как-то забылось в пылу спелеотуристского законотворчества, что любые правила подобного сорта могут быть обязательны только для добровольцев. Что туризм, тем более такой, где присваиваются спортивные значки и разряды – сам по себе занятие добровольное. Что каждый гражданин социалистического государства, согласно принятой этим государством Конституции, – существо свободное и имеет право находиться на территории своего государства там, где ему заблагорассудится, кроме, конечно, территорий специального режима посещения.

Но нет – мы не имели права свободно ходить в пещеры, не оформив необходимых бумажек, которые к тому же могли нам подписать, а могли и нет. И если вы все же отваживались отправиться в пещеру, пренебрегая МКК, то тут вас подстерегала еще одна интересная структура – туристская Контрольно-спасательная служба системы Советов по туризму и экскурсиям (КСС).

Этой службе вменялось в обязанность не столько спасать (для чего спасательные отряды часто не имели ни надлежащей квалификации, ни состава спасателей, ни снаряжения), сколько – "не пущать!" И горе тому, кто без надлежащих маршрутных документов попадал в лапы этих "контрольно-спасателей" – с вами могли сделать все, что угодно. Могли просто не пустить в район, перечеркнув все ваши отпускные планы, затраты на дорогу, подготовку и т.д. Могли в лучших традициях коммунистической реквизиции изъять снаряжение (а потом забыть отдать). Могли написать задержанному на производство или по месту учебы письмо криминального содержания, после чего администрация по месту работы "нарушителя" должна была принять санкции – полная аналогия с попаданием в медвытрезвитель! А бывало и того лучше – резали на куски веревки, а самих "дикарей" попросту избивали – для науки, чтоб знали, как с КСС разговаривать.

Я содрогаюсь сегодня, вспоминая те годы, когда мы были вынуждены вести партизанскую борьбу с КСС, пробираясь в свои любимые пещеры. Особенно славен был жестоким произволом и беспределом Крым, где покрыл себя недоброй славой известный в советской спелеологической среде Геннадий Серафимович Пантюхин. Второе место занимал Урал. На Кавказе было попроще – горы слишком большие. В Азии – вообще благодать. Благородно держались красноярцы, контролируя Саянские пещеры.

Даже нам, возвращенным тоталитарной коммунистической системой, казались тогда противоестественными эти посягательства туристской бюрократии на нашу, пусть относительную, но свободу проводить свое свободное время так и там, где нам хочется. Мы удивлялись, возмущались, протестовали, как могли. Встречи с КСС оканчивались по принципу – кто сильнее, тот и прав!

Впрочем, тоталитарный спелеотуризм имел в арсенале не только кнут, но и пряники. Официальные спелеотуристы нет-нет, да и получали с барского стола куски в виде финансирования советами по туризму слетов, соревнований, учебных школ и семинаров, иногда даже экспедиций. Понятно, что немногие отказывались от возможности позаниматься любимым делом за счет "ничейных" профсоюзных средств. Кто был ближе к вершине спелеотуристской иерархической пирамиды, читай – к кормушке, – тому чаще перепадали более жирные куски, остальным – что оставалось. Поэтому большинство даже самых рьяных противников советской спелеосистемы не против были сами превратиться в официальных спелеотуристов – именно из-за возможности ходить в пещеры за "народные" деньги, но уж никак не ради обременительных ритуалов "ЭмКаКа-КаэСэСной" формалистики.

Так советский спелеотуризм стал отражением всех основных черт командно-бюрократической коммунистической империи под названием Советский Союз. Чему удивляться?

* * *

Противоречия между официальной системой спелеотуризма и основной массой спелеолюбителей страны нарастали. Немалое значение в обострении внутрисполитической обстановки в советском спелеотуризме сыграл и постепенно портящийся характер председателя Центральной спелеосекции. Вынужденный вести борьбу на два фронта: с чиновниками Центрального совета сверху и с непокорными массами "диких", уклоняющихся от выполнения придуманных властями правил, снизу,

Илюхин тем не менее формально, а во многих аспектах фактически обладал всей полнотой власти в спелеотуризме. Безграничная же власть портит даже очень выдержанных людей. И здесь происходили обычные для тоталитарно-авторитарного общества метаморфозы.

Только еще, кажется, каждый коллега по совместным штурмам, подобно красноярцу Борису Мартюшеву, вместе с Илюхиным принимавшим участие в первопрохождении Назаровской, мог написать что-нибудь такое:

"... Вот задергалась веревка, висящая вдоль стены: по ней кто-то начал спускаться. Четко идет: не торопится и со страховкой... Наверное, Илюхин", – подумал я. Человек на веревке добрался почти до низу, приостановился. Было видно, как он высвечивает дно, оглядывая место приземления. Потом поехал снова: оттолкнулся от стены, качнулся маятником, наконец, развернулся и твердо встал на обе ноги рядом с озерком.

*– Молодец, Вовка! – сказал я, – Красиво спускаешься: как по нотам"(*50).*

И вдруг замечаешь, что-то неуловимо изменилось. Открыл было рот, чтобы сказать что-либо, вроде: – Привет, Вовка! – а тебя уже предупредительно, но с настойчивой сталью в голосе, поправляют:

– Не Вовка, а Владимир Валентинович!

(Не Коба – а Иосиф Виссарионович. К слову.)

Пусть простят меня друзья Илюхина за такие параллели, но нам, с другой стороны баррикад, все казалось несколько по-иному, чем сверху от кормушки.

Постепенно намечаются разногласия между председателем Центральной секции и лидерами некоторых независимых групп. Разногласия эти "почему-то" часто заканчиваются неприятностями для оппонентов, вплоть до дисквалификации и запрещения ходить в пещеры. Что-что, а уж придаться к чему-либо можно всегда. О методах борьбы с неудобными могут поведать многие кейверы, по тем или иным причинам оказавшиеся в те годы вне официального спелеотуризма, на языке властей – в "дикарях".

Репрессии илюхинских времен, в числе других, пришлось пережить и выдающемуся советскому спелеологу Даниэлю Алексеевичу Усикову. Тот самый Даня, принимавший участие в исследованиях Дублянского в Горном Крыму, о ком Виктор Николаевич упоминает в книге "Вслед за каплей воды", ставший даже инструктором илюхинских спелеосборов на Кавказе, руководитель ряда первоисследований на хребте Алек (в пещере Величественная и других) вынужден был, попав в опалу, перейти, по его собственному выражению, в разряд "частных" спелеологов. Достали мужика!

Первооткрыватель входа в пропасть Снежную, руководитель первопрохождения ее до -700, Михаил Зверев в сборнике, посвященном 20-летию спелеосекции Московского Государственного Университета (*51), приоткрывает перед потомками одну из таких страничек междоусобной войны Центральной спелеосекции Илюхина с низовыми секциями:

"Рассказ об истории секции МГУ будет неполный, если не упомянуть о ее взаимоотношениях с городской секцией спелеологии, возникшей практически одновременно с нами, но вскоре захватившей руководящие места в ЦС по туризму, в маршрутных комиссиях и т.д., и ставшей нашим спелеологическим начальством. Отношения с "городом" ухудшились после поездки на пленум в Красноярск в 1964 году, в которой от МГУ были Алексинский и Гапанович, а от городской секции – Илюхин. Между Алексинским и Илюхиным возникли какие-то разногласия; подробности были известны весьма малому кругу лиц. В дальнейшем эти отношения ухудшились до такой степени, что Илюхин и его ближайшие соратники противодействовали секции МГУ во всех ее проявлениях. Не упускалась любая возможность умолчать о работе секции или полить ее грязью. Оформление экспедиций в городской маршрутной комиссии крайне осложнилось. Со стороны это может выглядеть дико, но был случай, когда маршрут не был утвержден из-за того, что в список снаряжения не были вписаны спички".

Другой спелеолог МГУ В.Благодатских вспоминает:

"... Городские руководители постоянно третировали университетскую секцию, как низовую, использовали любую возможность, чтобы ущемить ее и, в конечном итоге, запретить ту или иную экспедицию. Эта борьба отнимала у нас колоссальные силы.

... Вспоминая потом этот период жизни секции, я пришел к убеждению, что без этой борьбы секция была бы просто раздавлена и прекратила бы свое существование".

* * *

Находясь в Москве в тот нелегкий и интересный период, ставший сегодня далекой историей советского спелеологического движения, я (автор этих строк) волею случая оказался в числе "диких" спелеологов и в достаточной мере ощутил на себе жесткий прессинг в подавлении частного кейвинга системой МКК-КСС. Не однажды нашей спелеогруппе, состоявшей из студентов двух московских вузов МГРИ и МВТУ (*52), приходилось переживать столкновения с отрядами КСС в Крыму и Башкирии – в районах, где мы вели основные исследования. Многие "спасатели" с удовольствием исполняли по отношению к нам и нам подобным полицейско-карательные функции.

В 1976 году на туфовой площадке перед Красной пещерой – Кизил-Кобой, "крымски хлопцы с КСС" реквизировали у нас все снаряжение: мы отправились в путешествие без оформленных документов. Благо, что вели мы себя смирно, и нам, с помощью одесситов Леонида Суховея, удалось позже вернуть практически все.

В другой раз только наш численный перевес предотвратил драку с башкирским КСС на пути в Кутукское урочище летом 1977 года: увидели, что не смогут одолеть и побоялись связываться.

В третий... в общем, не слишком весело вспоминать.

И это притом, что наши спелеоэкспедиции на добрую половину состояли из профессиональных геологов, гидрогеологов, впоследствии профессионально занимавшихся карстоведением и спелеологией, и мы сами ревниво следили за тем, чтобы пещерному миру не нанести излишнего вреда. Но что за дело было до этого КСС?

Мы считали ниже своего достоинства скрывать, кто мы и откуда, и в результате получали письма ("телеги", как мы их называли) по месту учебы, за что некоторых из нас едва не лишали стипендии. Такие были дела.

* * *

Ненормальная обстановка внутри советского спелеодвижения принимала все более уродливые формы. К 1978 году только в Москве было более 500 неофициальных кейверов, в то время как Центральная спелеосекция едва насчитывала несколько десятков человек.

Косвенно возникали и более страшные последствия.

В конце марта 1967 года в пропасти Кутук-Сумган погибли руководители спелеосекции МГУ Валентин Алексинский и Лена Алексеева. Вот как описаны эти события в методической литературе (*53):

"Трагический случай произошел в группе спелеотуристов при прохождении пещеры Кутук-Сумган. Группа в составе пяти человек, никого не оставив на поверхности, спустилась в пещеру и работала в ней четыре дня. Подойдя при возвращении к последнему 70-метровому колодцу, участники обнаружили, что лестница и две веревки, которые оставались навешенными все эти дни, обмерзли и покрылись льдом.

Первым стал подниматься наиболее опытный участник (В.Алексинский, уточнения мои), цепляясь за ступеньки лестницы поочередно двумя карабинами, привязанными к беседке и обвязке, и обивая лед скальным молотком. За два часа он поднялся на 50 метров; в этот момент сверху по лестнице пошел небольшой поток воды, вызванный таянием снега. На поднимающемся не было гидрокостюма. Со дна колодца, благодаря проникающему через широкую горловину шахты дневному свету, было видно, как спелеотурист проработал еще некоторое время, затем перестал работать. Ответа на оклики снизу не последовало.

После того, как он перестал подниматься, подъем начала девушка (Е.Алексеева, уточнения мои) – наиболее опытный спелеотурист в оставшейся группе. Она поднималась тем же способом, что и первый участник, надев на себя рванный самодельный гидрокостюм, склеенный и полиэтиленовой пленки. Вода текла

уже по всей лестнице. Через 50 минут снизу услышали крик и увидели, что луч фонаря, раскачиваясь, скользит по стене.

Как оказалось, перед входом в шахту в углублении скапливалась талая снеговая вода, которая к концу дня переливалась через край и начинала течь в пещеру. Первый спелеотурист с момента начала душа поднялся еще на 13 метров и был около самого карниза, за которым начинается катушка в виде закругляющегося склона. Там лестница лежала в желобе и полностью покрылась льдом, что существенно затрудняло подъем. Первый участник не видел этого и, по-видимому, рассчитывал быстро подняться. Девушка не дошла до него около 4 метров. Когда их вытащили наверх, они были покрыты льдом. Медицинское освидетельствование установило смерть от переохлаждения. Оставшиеся в пещере участники поднялись на поверхность с помощью местных жителей.

Если бы спелеотуристы поднимались в этих условиях с верхней страховкой, то время пребывания даже на обмерзшей лестнице сократилось бы во много раз и удалось бы избежать длительного воздействия ледяной воды. Ситуация была бы иной, если бы лестница висела в стороне от желоба, по которому сбегала вода".

Сухие в своей педантичности строчки официальной литературы, за которыми стоит трагедия. Оставим на совести авторов выводы о возможных вариантах предотвращения трагического исхода той экспедиции. Знать бы, где упадешь, соломку бы подстелил! Но была и еще одна причина гибели московских спелеологов. Очень важная, если не главная. Об этом пишет член спелеосекции МГУ Г. Бенце:

"Потом, уже год спустя, я участвовал в работе какой-то комиссии, разбиравшей несчастные случаи со спелеологами СССР. Задачи этой комиссии, заседавшей в здании ВЦСПС, были не дисциплинарные (То бишь не наказывать собрались! прим. мои), а просто – понять, по каким причинам могут быть осложнения в пещерах. Все рассматриваемые происшествия так или иначе были связаны с водой... Что же касается Вали с Леной, то выступивший там Дублянский, по-моему, очень правильно отметил решающую роль, которую имели в случае с ними плохие отношения между университетскими спелеологами и их городским начальством. Эти плохие отношения, сказал он, лишали Алексинского и его ребят возможности потерпеть поражение (сразу последовали бы различные репрессии), диктовали жесткую необходимость выйти к намеченному сроку и т.п.

Тогда же дискутировался вопрос: можно ли при спуске под землю никого не оставлять наверху? Мой собственный взгляд на это менялся несколько раз, тогда я считал, что нельзя, но сейчас думаю – а как же скалолазы лезут на несколько дней на стену и нигде никого не оставляют?

Вале нужно было иметь больше терпения, отступить, выждать, пока пройдет вода, дожидаться утра и тракториста, но этого-то и нельзя было делать из-за жестких сроков" (*54).

Последствия оказались трагичны...

* * *

Заканчивая эти довольно неприятные размышления, вспоминаю один случай.

Уже позднее, когда я тоже "выбился в люди", стал руководителем Усть-Каменогорского клуба спелеологов "Сумган", мне не раз приходилось работать инструктором региональных и всесоюзных спелеосеминаров.

И вот однажды на Буковой поляне хребта Алек один из приятелей, бывший тогда начальником контрольно-спасательного отряда (не буду называть имени, он когда-то был моим другом), доверительно рассказывал мне, как его спасатели и он лично "били морды дикарям", изымали снаряжение, куражились и издевались над своими коллегами. И только за то, что у тех не было бумажек со штампом МКК, разрешающих маршрут.

Мы сидели на Буковой, он рассказывал, я изумленно слушал. И постепенно приходило понимание того, что рассказ этот ничуть не смущает моего приятеля, что он до сих пор считает себя и своих товарищей правыми, честно выполнявшими предписания Центра – бороться с "дикарями". Им приказывали, они и боролись. Неважно, какими средствами и методами, главное, что действовали во исполнение инструкции. В пределах своей компетенции, так сказать.

А ведь мы вместе с этим парнем работали в сложных экспедициях, страховали друг друга, и не было надежнее напарника, приятнее собеседника, добрее друга. И

все только потому, что мы работали вместе, и оба были инструкторами спелеотуризма, и оба имели официальные документы? А если бы мы встретились на тропе немного ранее: он – начальник КСО, а я – "дикарь" без документов? Я уже не мог ответить однозначно на этот страшный по своей сути вопрос. Вернее, мог, но не хотелось верить, что так могло бы быть...

Жизнь показала – могло.

Вот так стреляли в мирных жителей советские солдаты в Афганистане, милиция и спецназ – в демонстрантов Тбилиси, Алма-Аты, Вильнюса. Приказано! И так же вели себя американские солдаты во Вьетнаме. Многие, большинство... но не все. Не все – и в этом суть.

* * *

Апофеозом произвола зарвавшихся в опьянении властью лжеспасателей можно назвать другой, совершенно уже невероятный случай. В феврале 1986 года моим коллегам из нашей московской спелеогруппы под руководством Евгения Войдакова привелось пережить четверо суток заточения на дне все того же входного 70-метрового колодца пропасти Сумган-Кутук (*55).

Экспедиция завершала работу в верхнем сифоне подземной реки Сумгана, когда в пропасть спустилась двойка спасателей КСО башкирского города Салавата, в чьем ведении находился район пещеры. Гонцы передали Войдакову письменное указание "сверху": начальник спасателей приказывал немедленно закончить работы и покинуть пропасть.

Что значит "немедленно" в условиях проведения развернутых работ в сифоне подземной реки? В пещере куча барахла: масса баллонов из под сжатого воздуха, акваланги, подземный базовый лагерь со всем снаряжением... Чтобы только упаковать все это для подъема с глубины –130 метров на поверхность, понадобится несколько часов.

Начальник Салаватского КСО был хорошо знаком со многими участниками этой группы, не раз встречался с ними, что называется, в неофициальной обстановке, накануне выезда группы в экспедицию был предупрежден об этом по телефону, и отлично знал, что команда не занимается спортивным спелеотуризмом, туристских маршрутных документов не имеет и едет не гулять, а по делу – нырять в сифон.

И вот – требование немедленно подниматься. Посовещавшись, москвичи послали наверх записку, где сообщали спасателям, что подводные работы практически закончили, и завтра начнут подъем на поверхность.

Так и поступили. Каково же было изумление парней, когда, подойдя ко дну входного колодца пропасти, они не обнаружили своих, навешенных в нем, веревок!

Ситуация была шоковая. Увидеть в семидесяти метрах над головой голубое небо, к которому тебе не по чему подняться? Семьдесят метров, и гладкие исполинские стены... Веревок не было.

Так начальник КСО "наказал" своих строптивых друзей – выбрал веревки из входной шахты и попросил пастуха с близлежащей фермы сбросить их в пропасть дней через пять, если раньше ничего не произойдет. Объяснил просто: "Мол, выбрал веревки, чтоб не заledenели". Трагический случай с экспедицией МГУ десять лет назад здесь хорошо помнили все местные жители. Сказал так, а сам ушел с отрядом в город, доложить по начальству.

Каждый, прочитавший эти строки, может примерить на себя ту ситуацию. Что бы вы стали делать?

Парни перетаскивали все снаряжение под входной колодец, поставили палатку и стали считать запасы наличного освещения, горючего и продуктов.

С гордостью за своих друзей хочу сказать, что состав экспедиции подобрался достаточно опытный и спокойный. Среди спелеоподводников вообще не бывает слабонервных – срабатывают эволюционные законы естественного отбора.

Экспедиция практически завершила работы, поэтому наличные запасы ее оказались весьма скудными. Бензина для примусов практически не было. Батареек для фонариков тоже. На последних тусклых лучиках прошли по ближней лабиринтовой части пропасти, собрали все, какие могли, бревна, спущенные в пропасть для штурма и благоустройства базовых лагерьей. При помощи последних остатков сжатого воздуха в баллонах аквалангов раздули костер их этих пропитанных водой дров.

Продукты поделили из расчета на две недели ожидания. Получилось по крохотной пайке на день. Потом залезли в спальные мешки и стали ждать.

Ждали четыре дня.

– Смешная история! – сказал Ромка.

– Подохнешь тут со смеху, – усмехнулся Вовчик.

Остальные промолчали.

– Тише! – вдруг осипшим голосом, сказал Женька.

На четвертые сутки в пропасть упали веревки. Пастух, поразмыслив о странной просьбе начальника спасателей, заподозрил что-то неестественное, а значит, неладное и решил вернуть навеску в шахту на сутки раньше.

Первое, что сделал Войдаков, вцепившись в упавшие с неба веревки, это накрепко привязал их к стволам и глыбам на дне колодца. Чтоб опять не вытащили.

Чем черт не шутит, когда бог спит!

* * *

Нельзя жить в мире и быть свободным от его влияния. Так неприглядная действительность коммунистического феномена XX-го столетия накладывала тяжелый отпечаток на, казалось бы, такую совершенно аполитизированную область, как спелеология.

Другой конфликт Илюхина, на этот раз с Даниэлем Усиковым, привел к ожесточенной борьбе за приоритет при исследовании пропасти Снежная на Кавказе.

К тому времени у Центральной и приближенных к ней спелеосекций наметилась еще одна неприятная тенденция – присваивать открытия "дикарей". Иллюстрацией тому уже упомянутый нами случай с пещерой ТЕП, переименованной в Октябрьскую. Увы, это не единичный случай спелеопиратства.

Нечистоплотность всегда отвратительна, в чем бы она ни проявлялась. И присуща она, к сожалению, не только эпохе Илюхина. Если о попытке группы красноярца З.Залиева перехватить успех в пропасти Форельная у москвичей под руководством Е.Снеткова мне рассказывала участница тех событий москвичка Таня Немченко, то мне лично привелось стать участником событий, когда наша совместная с болгарским клубом "Академик" из Софии экспедиция 1987 года в Киевскую была обворована свердловчанами под руководством С.Валуйского. Об этой экспедиции еще будет рассказано.

"Как обворована?" – удивится мой заинтересованный Читатель, и будет прав. Потому что такие случаи в нашей среде все-таки достаточно редки.

А вот так. Скажу лишь, что в 87-м году мы потерпели в Киевской серьезную аварию и вынуждены были с помощью наших друзей: узбекских и туркменских спелеологов вести трудные спасательные работы, поднимая из пропасти тяжело травмированного болгарского спелеолога. В суматохе спасработ в пропасти осталась часть болгарского снаряжения. Естественно, что мы обратились к идущим в пещеру вслед за нами свердловчанам с просьбой помочь – вынуть и вернуть иностранное снаряжение, чтобы мы могли передать его болгарам.

Казалось бы, что стоило помочь? Годом раньше мы в той же Киевской достали с отметки –750 два тяжелых мешка с владивостокским тросом. Годом позже доставали московское снаряжение из Перовской на Арабике. Просто так, из взаимовыручки. А у нас была авария.

Свердловчане "помогли"! Вернули через самаркандского томича Гришу Пряхина полторы веревки, и сказали, что больше ничего не нашли. Блестящие иностранные карабины оказались дороже чести.

Не хотелось верить, что такое возможно, но позже, бывшие в составе той свердловской группы оренбуржцы подтвердили – были и карабины, и веревки, поделенные свердловчанами между собой. А два года спустя на Всесоюзном слете в Свердловске я видел у Валуйского тот, "кырктаусский", зеленый болгарский карабин. Видел и... ничего не сказал. Просто стало очень противно и больно.

Так что нечистоплотность присуща не только давней истории, но эпоха Илюхина явилась законодателем мод. Стоило появиться на горизонте сколько-нибудь перспективному району или пещере, как властимушие спелеотуристы устремляли к ним свои честолюбивые устремления.

* * *

Так получилось и со Снежной. Не могло получиться иначе! Едва появилась информация об открытии на Бзыби и прохождении МГУшниками новой пропасти, да еще претендующий на рекордную глубину, в пещеру немедленно организуется ряд экспедиций Центральной спелеосекции, Свердловска и Красноярска.

Центральная спелеосекция вообще была связана тесными узами со Свердловской городской спелеосекцией (СГСС). Если взглянуть в спелеотуристскую литературу тех лет, невольно закрадывается подозрение, что все лучшие умы советского спелеотуризма были сосредоточены именно в этих двух коллективах – авторы

подавляющего числа методических материалов непременно, если не из ЦСС, то уж из СГСС точно!

Красноярск, этот независимый и наиболее мощный по численности спелеотуристов, клуб России, (возглавляемый сначала Игорем Петровичем Ефремовым, а затем в течение долгого времени Юрием Ивановичем Ковалевым), наверно, был Центральной спелеосекции просто не по зубам, так что Илюхин предпочитал сохранять с красноярцами дружественные отношения. Понятно, что и красноярцы не чурались связей со столицей.

Прослышав о новой претендентке на всесоюзный рекорд, Илюхин поспешил собрать верных ему легионеров и атаковать Снежную. Что ж, силы были неплохи. Но и противник оказался достойным... Пятый завал!

Дважды разбились о него массивированные атаки красноярцев.

Очередная экспедиция союзных ЦСС москвичей отступает от Пятого завала Снежной в 1975 году.

Но тут появляется Киевская! И внимание Центральной спелеосекции переключается на Кырк-Тау. В 1976 году Всесоюзная экспедиция, наконец, возвращает себе всесоюзный рекорд, утраченный было официальными спелеотуристами в результате успеха в Снежной "дикарей-МГУшников" Зверева. И то подумать – что ж это за дела, если "дикарей" обставить не удастся!

В Киевской достигнуто дно на, более, чем километровой, глубине: –1080 метров дает топографическая съемка первопроходцев.

Ап... неувязочка! Экспедиция – то хоть и всесоюзная, но... без ЦС! Пантюхин, Крым, пермяки какие-то. Как так? Прошли километровый рубеж и без Центральной спелеосекции? Шалишь!

В Киевскую срочным порядком отправляется экспедиция Илюхина, чтобы вторично определить глубину пропасти при помощи гидронивелирования. Этот метод определения глубин, основанный на принципе сообщающихся сосудов, очень трудоемок и требует изрядного мастерства от исполнителей. Парни Илюхина поработали на славу и вот... сенсационный результат: глубина Киевской не 1080, а всего лишь – 950 метров!

Скандал! Его немедленно постарались раздуть до подобающих случаю всесоюзных масштабов. Острые удара было направлено на чересчур окрепшую Крымскую спелеосекцию – осмелились опубликовать непроверенные данные? Получите!

Разночтение данных попало за рубеж.

"Русские не умеют делать топосъемку!"

И почему-то, сходу забрав данные Всесоюзной экспедиции, никто не усомнился в точности Илюхинской съемки. Цифра, выданная властями от спелеологии, немедленно попала в официальные сводки и до сих пор фигурирует в пещерной статистике. Неужели съемщики Всесоюзной спелеоэкспедиции были менее квалифицированы, чем илюхинские? А преимущества метода гидронивелирования перед полуинструментальной топографической съемкой: при помощи компаса и эклиметра, – весьма сомнительны. Как в первом, так и во втором случаях место для погрешностей и ошибок остается всегда, тем более, если учесть, что речь идет о пропасти километровой глубины.

Надо сказать, что точная глубина Киевской дискутируется до сих пор. Еще дважды разные спелеоэкспедиции предпринимали попытки ее измерить. Были получены данные: –1020 и –980 метров. Последний результат определялся при помощи синхронного баронивелирования, проведенного ташкентской спелеосекцией в 1987 году: можно сказать, при мне. При этом из всех, взятых под землю воздушных высотомеров-альтиметров уцелел только один, – по нему и взяли конечный отсчет. Тоже, в общем, не обошлось без греха. Но результаты получались довольно близкие.

Простое сложение всех четырех результатов и вычисление среднего арифметического дает цифру –1007 метров, что очень похоже на действительность. Киевская заслуживает своей –1000 метров, хоть это, пожалуй, и самая простая из советских километровых гигантов. Самая простая и приятная для прохождения. Так показалось мне после двух посещений этой прекрасной пропасти в 1986 и 1987 годах.

* * *

Неясно, как в действительности отнеслись за границей к этому, раздутому ЦСС, "конфузу" с измерением среднеазиатского полуса глубины. Скорее всего, никак. За "бугром" хватало своих километровых гигантов, чтобы обращать внимание на среднеазиатские скандалы красных спелеологов. Тем более, что КиЛСИ никогда не претендовала на мировой рекорд. А на Союзный – пожалуйста!

Но достоверно судить, что там, в "забугорьи", происходит, мы, понятно, не могли. В то время большинство из нас было надежно отгорожено от "коварной" заграницы коммунистической заботой о нашем идейном здоровье. "Простые" спелеотуристы за рубеж не попадали. В загранпоездках участвовала, прежде всего, верхушка Центральной спелеосекции, приближенные к ней, а также такие супер-клубы, каким во все времена оставался Красноярский Краевой Клуб Спелеологов. Известны поездки советских спелеологов в Польшу, Венгрию, Болгарию, участие советской делегации на VI Конгрессе Международного Союза Спелеологов (МСС – UIS) в Чехословацком городе Олмоуц в 1973 году. Так что за границей о нас кое-что знали.

Верхушка советского спелеотуризма имела контакты с зарубежным спелеодвижением, получала разнообразнейшую информацию о состоянии дел в западной спелеологии и спелеотехнике, но... информация эта доходила далеко не до всех.

Возможны противоречивые оценки деятельности Владимира Валентиновича Илюхина – первого председателя ЦСС, официального лидера советского спелеотуризма на протяжении первых пятнадцати лет с его возникновения. Многое теперь уже растворилось в прошлом. Но, погружаясь в документы, наталкиваешься порой на удивительные факты, задаешься вопросами, ответы на которые отыскать нелегко.

Например, что послужило причиной тому, что советский технический вертикальный кейвинг выбрал свой собственный путь развития – применение стальных тросов, в то время как весь мир переходил к технике одинарной веревки – SRT? Только ли тот печальный факт, что в то время в нашей стране не производилось в достаточном количестве пригодных для спортивных целей нейлоновых веревок? Думаю, нет.

Главная причина представляется мне в том, что советский спелеотуризм был устроен так же, как и государство, в котором он существовал. Сумасшедшая централизация, жестокая цензура, приоритет, пусть бредовых, но собственных разработок: все разрушалось "до основания, а затем!". Отношение к Западу воспитывалось исключительно как к безусловно враждебному, чуждому нам рассаднику капиталистической чумы-идеологии.

Илюхин со товарищи были в курсе самых передовых технических разработок того времени, но в силу разных причин не могли, а может быть, и не хотели, оценить их рациональное зерно. Все пропускалось через сито цензуры: все перекраивалось на свой лад и подавалось нам, крестьянам, под собственным соусом, часто искаженное до неузнаваемости. Для широкого спелеологического движения страны оригинальная западная информация долгое время оставалась терра инкогнита, куда впускались только избранные. Верхушка трансформировала разработки зарубежных школ спелеологии, приспособлявая их к собственному пониманию. Копируя (в буквальном смысле!) картинки из французских, австралийских, английских учебников по кейвингу, Илюхин и его соратники тут же давали им советскую трактовку в духе сложившейся в стране спелеотехники. Ну, например, пририсовывали вторую веревку к иллюстрациям по SRT! Взять хотя бы широко известные "Путешествия под землей" В.В.Илюхина и В.Н.Дублянского или методические рекомендации по технике спелеотуризма, выпущенные в те годы (*56).

По крайней мере, все это было некорректным по отношению к истине. А по большому счету наносило серьезный вред советской вертикальной технике в частности и всему любительскому спелеологическому движению в целом. Потому что ничем нельзя нанести такой ощутимый ущерб, как утаиванием или искажением информации.

* * *

Описывая эти события, я, наверняка, пристрастен. Но я и не претендую на кристальную объективность. Сегодня каждый второй – бунтарь, борец, антикоммунист. Я же относился к тем, кто верил. А когда осознал, на каком чудовищном обмане взрошена моя вера, пережил тяжелое унижение. Да еще приправленное горечью понимания, что даже Спелеология – святая святых бескорыстных и беззаветных ее рыцарей – даже дело Спелеологии оказалось круто замешанным на лжи и обмане, на политических интригах, распрях, борьбе за власть и место у кормушки.

* * *

А в это время в Москве зарождалась еще одна команда, которой предстояло вписать немало славных строк в историю советского спелеологического движения. В 1973 году на основе личной дружбы двух замечательных спелеологов – Даниэля

Алексеевича Усикова и Александра Игоревича Морозова, и возникшего у них неистребимого интереса к пропасти Снежная начинает свою деятельность группа, получившая название по имени любимой пещеры – группа "Снежная".

Первая же экспедиция группы в пропасть, давшую ей свое имя, столкнулась с жесточайшими погодными условиями осенней ноябрьской Бзыби 1973 года. Трижды приходилось спелеологам откапывать входную часть пропасти, так как лавины с бортов ее крутоскальной входной воронки раз за разом пробивали 200-метровую вертикальную ледовую часть пещеры, закупоривая ее 15-метровыми снежными пробками. Борясь с лавинами, экспедиция сумела спуститься по ледовой части пропасти, дошла до Большого зала на отметке –200 метров и вынуждена была отступить.

Тем не менее через год Усиков и Морозов вдвоем проходят до Пятого завала Снежной и благополучно возвращаются. Для тех лет это был беспрецедентный выход. Следует учесть, что "Правилами" советского спелеотурзма категорически запрещалось соваться в пещеры такой категории сложности в составе, меньшем шести человек. А тут – вдвоем!

Успех "частных русских спелеологов" не остался незамеченным и вызвал серьезное возмущение спелеотуристских властей.

Но группа "Снежная", не обращая внимания на усиливающееся давление официантуры, начинает скрупулезное изучение сакраментального Пятого завала.

Экспедиции следующего, 76-го года, оканчиваются неудачно. Завал не сдается. Но вот в 1977-м!..

Послушаем Татьяну Немченко:

"Спелеолог из клуба МГУ Миша Ноздрачев, вместе с друзьями, разыскивающий летом 1977 года новые пещеры вблизи Снежной, увидел у входа толпу женщин и детей. Удивленный, он подошел поближе. Ага, вот и двое мужчин: москвичи Саша Морзов и Даниэль Усиков. Разговорились. Александр – инженер-химик, Даниэль – физик и математик. Собираются пройти Снежную дальше. Еще должен приехать Владимир Федотов, так что будут работать в пещере втроем. Кто останется наверху? Только жена Даниэля с ребенком. Она будет по телефону сообщать о погоде.

Втроем? В такую сложную пещеру? Это было смело и абсолютно не похоже на традиционно многолюдные экспедиции спелеоклубов. Но и снаряжение у ребят было другое: надежное, легкое. Лестницы, штормовой шест, дюралевые крючья, капроновая палатка, защитные и гидрокостюмы – все тщательно изготовлено ими по своим же чертежам. Нетрадиционным был и сам подход к работе под землей: уйти в пещеру на целый месяц, двигаться вниз вместе с лагерем, чувствовать себя в Снежной, как дома. Все необходимое для того, чтобы долго жить и работать под землей, было уложено в двадцать пять транспортных мешков".

Да, экспедиция "частных русских спелеологов" выглядела по тем временам весьма необычно. Мы можем "заглянуть" в те дни, перелистав воспоминания Даниэля Усикова (*57):

"... Ситуация выглядела достаточно комично. Посудите сами. "Группа", состоявшая из двух спелеологов (Володя тогда еще не приехал), пятерых детей, женщин (жен) и небольшого числа знакомых этих спелеологов, поставила перед собой "скромную" задачу: пройти Снежную дальше. То есть сделать то, что не смогли сделать шесть предыдущих экспедиций, включая одну Всесоюзную, за четыре предыдущих года. Наверно, единственное, что удерживало... от желания показывать на нас пальцами и кататься от хохота, это дошедший через Зверева слух о нашем успешном спуске в Снежную вдвоем в 1975 году".

Вот в таком составе группа "Снежная" готовилась к решающему прорыву. И он состоялся. Пробившись через Пятый завал, спелеологи спускаются на "Глубокую реку" Снежной и продвигаются по ней до "Шестого" завала.

Так начиналась Эпоха Великого Таскания Мешков.

Через неделю Морозов, Усиков и Федотов поставили лагерь у Пятого завала, чтобы не тратить силы на подходы к району работ. Потом это станет излюбленным приемом "морозовской" тактики. А пока:

"... Уже на второй день исследований внутри Пятого завала Саша, Даниэль и Володя сумели подняться вверх на 60 метров и выйти в просторный зал Надежды. Ощущение было такое, будто ночью вышли на поверхность земли: после тесноты завала – огромный зал.

Где-то очень далеко в глубине зала гремел водопад, и причудливое эхо блуждало под сводами. Но гремела не река: по почти вертикальному каньону с ревом мчался Новый ручей.

Но где же спуск с Пятого завала? Интуиция! Что же еще может провести спелеолога через лабиринты шкуродеров и хаос глыб? Интуиция и трезвый расчет. Взяв компас и запас батарей, Даниэль один, чтобы максимально обострить восприятие, отправился в казалось бы уже безнадежные поиски, и – вышел-таки в зал Победы. Это был почти двойник зала Надежды. Такой же высокий свод, и пол – круто уходящая вниз осыпь. Сухо, легкий ветерок, ласковый лепет ручья. Это был Эдем для подземных лагерей! Стартовая точка для глубинных исследований. Кончилась затянувшаяся спячка Снежной – путь вниз был свободен!"

* * *

Фортуна любит упорных и сообразительных. "Спячка" Снежной действительно кончалась. Из зала Надежды открывался путь по Новому ручью, в систему впечатляющих залов Анфилады, к колодцу Катаклизм и другим еще не открытым чудесам Снежной... Но кому нужны были эти "побочные" чудеса? Шла битва за глубину, и все помыслы первопроходцев устремлялись вниз, вниз и вниз. Спуск по глыбовому навалу на полу зала Победа позволил снова выйти к подземной реке Снежной за Пятым завалом на глубине около –700 метров.

"За Пятым завалом река продолжалась: глубиной то по колено, то по пояс, не слишком бурная. Метров через триста, после того, как она приняла два крупных притока, ручей Заблуждения и ручей Заячий, русло стало еще более пологим, и следующие триста метров спелеологам пришлось преодолевать высокую воду, иногда – вплавь. Голубая река, заполнявшая все дно широких галерей, делала их необычайно красивыми. Пещера была величественна и спокойна. Спелеологи же, поскольку вода была очень холодная, должны были все время двигаться, а после долгих проплывов согреваться физическими упражнениями. Саша порвал гидрокостюм, но даже угроза переохлаждения не могла заставить его отказаться от открытий.

Но вот рельеф изменился: пятнадцатиметровый водопад и, увы, новый, очень крупный завал. К этому моменту глубина Снежной уже вплотную приблизилась к 800 метрам, а на карту было нанесено около двух километров новых ходов.

Сюрпризы Снежной на этом не кончились. Вернувшись через несколько часов в лагерь, ребята с ужасом наблюдали, как под водой исчезает лагерная площадка и вообще все то, что уже давно называли "старым дном пещеры". Вода на Пятом завале поднялась на 15 метров! А ведь прошел далеко не самый сильный дождь..."

* * *

Это была Победа! Недаром так называли долгожданный, открытый группой зал с водопадиком и заветным спуском к продолжению реки.

Понятно, что в следующем, 1978 году, Морозов и Усиков снова отправляются на Бзыбь.

"Экспедиция 1978 года – поворотный момент в истории Снежной. К этой гигантской пропасти вновь было привлечено внимание многих научных работников и сильнейших спелеотуристов страны. Новая часть пещеры уже тогда позволила считать ее уникальной по сложности. Это обусловило рождение новой тактики работы в глубочайших пещерах: спуск участников в пещеру на весь период экспедиции без периодического выхода на поверхность, а также автономия и самообеспечение участвующих в ней групп. Именно эта тактика была впервые разработана и успешно применена экспедицией в Снежную в 1978 году" (*58).

Чувствуете чеканную поступь повествования? Эти строчки принадлежат не менее, чем морозовская тактика, уникальному человеку в советской спелеологии тех лет – майору, а затем подполковнику (может, уже генералу?) советских Вооруженных Сил нашему доброму товарищу Андрею Шульцу. Атлетического сложения майор Шульц походя рвал тонюсенькие (ради облегчения веса) морозовские тросовые лесенки и на замечания типа: "Ты, Андрюха, кончай строевым по пещере ходить! Кто будет

лестницы ремонтировать?" беззлобно отстреливался в том смысле, что: "Если вы" штатские" такие умные, так что ж вы тогда строим не ходите?"

Кадровый офицер СА в пещере? Если не считать майора Бондала из крымской спелеокогорты, что-то я больше и не припомню среди нас таких отчаянных. Но – слово тогда еще майору Шульцу.

"Возраст участников экспедиции в Снежную в 1978 году выглядел солидно: от 25 до 43 лет. Всего 9 человек, почти все – с высшим образованием, семейные, представители разных городов страны.

...И вот год подготовки, закупки продуктов, их упаковки, герметизации, подготовки общественного снаряжения (около полутора километров одних только веревок и лестниц) и других необходимых дел и волнений закончен. Всего в пещеру на себе было спущено (как мы говорим – "загружено") около тонны грузов. А ведь этому предшествовал их подъем на самый верх Бзыбского хребта!

Был разработан график: в зависимости от сроков очередного отпуска, его продолжительности и необходимости в людях на том или ином этапе штурма, – каждый из нас получил свою задачу, напарника и свой план работы.

Первая группа имела целью навеску снаряжения на верхних колодцах. Вторая, пройдя по готовой навеске, штурмует непройденное никем и, в основном, действует по обстоятельствам. Она же протягивает телефонный кабель для связи с поверхностью, где у нас "на погоде" в течение месяца, в одиночестве, среди гор, тумана и дождя сидел Валя Беляев.

Третья группа, в составе которой мне и предстояло работать, спускается вниз к моменту начала подъема второй, встречается с ней и занимается транспортировкой грузов на поверхность, в то время как вторая группа налегке поднимается наверх и спешит домой до окончания отпуска.

С моим напарником Георгием Людковским мы встретились прямо перед отъездом на Курском вокзале в Москве. До этого мы ни разу не виделись и не были знакомы. Я только и знал о нем, что у него трое детей и парень (42 года) он хороший. Нам предстояло в самом тесном общении провести ближайшие три недели. Не штурм, а эксперимент на психологическую совместимость!"

Особенностью тех полулегальных экспедиций на запредельные глубины была известная нехватка надежных кадров. Надо было как-то ухитриться, не раздувая численности состава, справиться со все возрастающей массой снаряжения и мешков с жизнеобеспечением. Да и как раздуешь численность, если сроки экспедиций выходили за всякие "разумные" числа – где отпуска-то брать?

Брали.

"Каждый из членов этой экспедиции провел под землей от 18 до 32 суток, не выходя на поверхность. И это в одном дне пути до теплого Черного моря! Спелеотуризм – своеобразный вид отдыха, не для всех понятный".

Если для могучего офицера Шульца путешествия по Снежной представлялись "видом отдыха", то для его штатских коллег это была серьезная работа.

"Новая тактика определилась, прежде всего, большой протяженностью и сложностью пещеры. Все экспедиции проходили не иначе как посреди "стада" мешков, которые мы гнали перед собой. Как показал опыт последующих экспедиций, иного способа прохождения Снежной пока не разработано.

Из Гудауты, от моря, на которое мы лишь успели посмотреть, уезжаем автобусом до поселка Дурипш. Местных жителей приводит в бурное изумление вид наших огромных рюкзаков. Один из первых вопросов – сколько вам за это платят?"

* * *

Через 3 года после описываемых событий стоим с ленинградцем Олегом Демченко на заросшем дурной травой Дурипшском стадионе, мирно беседуя с праздно шатающимся абхазом.

– Вы куда идете?

– В горы.

– Я вчера спустился. Коров пасу. Вы в пещеру?

– В пещеру.

– Слушай, а сколько вам за это платят, а?

Переглядываемся с Олегом.

– Ну, – начинаю я, – в день четвертной, да высокогорные десять процентов, да подземные тринадцать, да...

– Да безводные семь, – подхватывает Олег.

– Да премия пятьдесят!..

Видю, как туманятся в мысленных подсчетах глаза простого абхазского пастуха. С минуту он молчит. Потом глаза его округляются, руки разводятся в стороны ладонями вверх и из-под щегольских усов вырывается классическое:

– Ва! Так ты же больше меня зарабатываешь, дарагой!

Посмотрел с уважением, поцокал языком и удалился.

Чего себя дураками выставлять, правда?

* * *

Так что там, Андрей, было у вас в ту экспедицию?

"Подъем к Снежной дался тяжело. Вес рюкзака превышал 60 кг, местами его удобнее было делить на две ноши. В первый день хлестал ливень: второй прошел в тумане: третий – при ярком солнце.

Отдыхать у пещеры было некогда. На следующий день, 21 июля, начали спуск.

Пещера сразу поразила своей враждебностью. Есть пещеры красивые, есть даже уютные, но эта будто бы хочет прокричать тебе в лицо: "Тебе не место здесь, человек!"

На зло пропасти и себе идем вниз.

Верхние 200 метров колодцев проложены в снегу и льду. Из-за сквозняка, который чувствуется в разной степени по всей пещере, лед тает. Ледяная жижа вперемешку с глиной сводит пальцы рук. Как хорошо, что мы в гидрокомбинезонах! Иначе давно были бы мокрыми до нитки. Ужасно противно капает сверху. Захлопывающийся карабин мелкими брызгами грязи уже давно покрыл все лицо. Иногда кажется, что конца этим ледяным щелям не будет. Но телефонный кабель, проложенный нашими друзьями при спуске вниз, продолжает тянуться над нашими головами. Ребята здесь проходили. Перед спуском Беляев нам сообщил, что несколько дней назад, пока он, собирая сухие веточки карликовой ивы для костра, отлучился из лагеря, пастухи (неизвестно зачем) украли из его палатки два портативных телефона, один из которых был предназначен для нашей двойки, другой – Беляеву для обеспечения связи с группами под землей: кроме сообщения данных метеосводки, он должен был играть роль диспетчера между группами. Кража, предусмотреть которую было невозможно (ведь мы с детства привыкли, что пастухи бывают только хорошие), не только поставила под серьезную опасность всю экспедицию, но и сыграла злую шутку с нашей двойкой. Дело было в том, что штурмовая группа, самая многочисленная по составу, стремясь облегчить нашу работу, в общем потоке грузов забросила под землю не только питание и топливо на нас, но прихватила и гидрокостюм Георгия. Питание и топливо нам оставляли равномерно в каждом из промежуточных лагерей, а вот о нахождении "гидры" должны были сообщить по телефону. Позднее выяснилось, что гидрокостюм был оставлен в подземном лагере под названием "Галерея" (над Большим колодцем, что и правильно, так как именно отсюда начинается вода, прим. мои, К.Б.С.). Лагерь находится в стороне от основного хода, и мы с Георгием его прошли, не заметив. В итоге Георгий достиг глубины –680 метров без гидрокостюма!"

Не только Георгий Люлковский мог бы похвастаться таким безгидрокостюмным хождением по Снежной, но в те времена это было действительно серьезным достижением.

"А пока мы двигались вдоль теперь уже бесполезного кабеля, в голову лезли грустные мысли, мы знали, насколько обеспокоены отсутствием связи наши товарищи под землей, каким бессмысленным стало теперь пребывание и ожидание у пещеры такого одинокого и уже далекого Беляева. На поверхности утро. Солнце встает... В горах оно такое красивое..."

Поскользнувшись, падаю. Срыв моментально приводит в чувство. Самостраховка сработала, веревка, цепляясь за потолок наклонного обледенелого колодца, звонко гудит.

Вот и зал. Его называют Большим, хотя в пещере есть залы значительно больше. Он открывается неожиданно, и, как многие залы Снежной, начинается узкой щелью, в которой не развернуться, и сразу уходит в пустоту. Постепенно потолок

исчезает из видимости, и уже ничего не видно, кроме 4–5 метров веревки над головой. Ощущение беспредельной пустоты, как в космосе.

Первый подземный лагерь. Ночь прошла плохо. Слишком много переживаний для одного дня.

Второй день ушел на протаскивание грузов через так называемый "Шкуродер" – узкое место подземного хода, в которое с трудом удается протиснуться. Если сначала транспортные мешки, в одном из которых были фотоаппараты, бережно передавали из рук в руки, то теперь мы их просто швыряем по склону. И ничего – фотоаппараты целехоньки. Один из транспортных мешков, который я изо всех сил пытаюсь выпихнуть перед собой из "Шкуродера", никак не хочет подчиняться. Наконец, я в бешенстве пинаю его так, что он, как пробка, вылетает из "Шкуродера" и... прямехонько скатывается в боковую щель, узкую и длинную. Многих трудов стоило его оттуда вызволить.

ПБЛ-2 (подземный базовый лагерь) наши предшественники оборудовали в Сухом зале, где действительно было сухо, тихо и тепло. (Ума не приложу, где это в Снежной они откопали такое райское местечко? прим. мои, К.Б.С.). Нам было так хорошо, что мы проспали 26 часов, честное слово.

Проснувшись, долго спорили, какой день и время суток. Хорошо, что у Георгия были часы с календарем.

Следующий день (условный день – это время, когда мы не спали) был посвящен Большому колодцу (около 160 м) Спуск в него представляет собой сомнительное удовольствие.

И вот мы на глубине –500 метров в Университетском зале, которым заканчивается Большой колодец. В колодце немилосердно поливает. Впереди – самая сложная часть пещеры – обводненная.

...Пожалуй, из всего, что нам удалось увидеть и прочувствовать, – это самое красивое. Красота заключалась не в изяществе сталактитов, сталагмитов и т.п., их там почти нет, а в бешенстве бушующего подземного ручья, неукротимой силе реки, в которую он впадает.

На каждом каскаде – великолепный водопад. Упругая струя воды, переливаясь в лучах наших фонарей, описывает крутую дугу и с шумом колотится о камни или упрямо колотит в ею же пробитую и наполненную водой ванну.

Вот где нужны надувные лодки, гидрокостюмы, умение плавать и ходить "в распоре", то есть, имея под собой пустоту щели, распираться спиной, ногами и локтями в стены и видеть далеко внизу (или хотя бы слышать) как несется искрящийся поток, и продвигаться, продвигаться вперед и вниз, пока это будет возможно!

Все, нам с Георгием дальше не пройти. Дважды окунувшись с головой в воду, он говорит, что для одной экспедиции этого хватит. Возвращаемся в Университетский зал. Будем сушиться и ждать наших друзей здесь.

Неизвестность, она угнетает, от мрачных мыслей некуда деться. Как там наши ребята внизу, может быть, им нужна помощь?! Но ведь их много, кто-то ведь должен до нас добраться, сообщить страшную весть... Мы не имеем возможности идти вниз, но и вверх, бросив товарищей, дороги нет.

Прошел день, другой, неделя. На поверхности, наверное, гроза: водопад, падающий с потолка в наш зал, превратился в сплошной столб воды, наша палатка, стоящая на склоне завала, колышется на ветерке, рождаемом водопадом, который ревет уже несколько часов.

На десятый день принимаем решение: если через сутки вестей не будет, – идем вниз. Единственный на двоих гидрокостюм – использовать по обстановке.

На следующее утро до нас донесся звон упавшей пустой канистры. Сначала не поверили: показалось?! Напряженно прислушиваемся. Водопад все время рождает слуховые галлюцинации: то крики, то стоны, то чьи-то песни, разговоры... Но нет, опять брякнуло! Идут!!! Но все ли в порядке?

Вот уже появились фонари. Они устали, голодные, драные, счастливые. Все благополучно!

Штурмовая группа экспедиции, "увеличив" глубину пропасти на 300 метров, дошла до отметки –1000 (*59) и начала подъем.

Кстати, несколькими днями раньше связь все-таки удалось восстановить. Пустив в дело детали ремнабора, Беляев сконструировал новый аппарат! И вот телефон заговорил, но мы об этом не знали.

На поверхности уже заморозки, А у нас как было 3–4 градуса, так и будет здесь вечно.

...Выходили четыре дня. К поверхности приблизились на рассвете. Сначала свет наших фонарей начал тускнеть, потом мы увидели проникающие во входную воронку лучи восходящего солнца.

А вот и небо! Опьяненный теплым ветерком, яркими красками горной осени, долго валялся на траве у входа в пропасть.

...Тогда было ясно – если мы в Снежной ушли глубже дна Киевской, значит, рекорд наш. Этим рекордом и была, прежде всего, знаменательна эта экспедиция. Рекордом мы вернули ленту первенства Снежной и тем самым заложили первый камень следующего этапа ее исследований. В честь этого события получил свое название водопад Рекордный – предел, до которого была пройдена Снежная в 1978 году (*60) ".

* * *

Об успехе группы "Снежная" знали немногие. Все хранилось в строжайшем секрете. Первопроходцы справедливо опасались реакции Илюхина и ЦСС, уже прославивших себя пиратскими действиями. В мае 1978 года, забрасывая в пещеру продукты и снаряжение для решающего летнего штурма, снежинцы принимали все возможные меры для сохранения своих замыслов в тайне, а грузов в сохранности. В укромном месте пещеры был устроен тайник, где и замаскировали доставленное снаряжение и жизнеобеспечение будущей экспедиции.

"... Вдруг Саша (Морозов, поясн. мое, К.Б.С.) остановился и прокричал бодрым голосом:

– Теперь успех нашего дела в ваших руках. Если не дотащите вещи до тайника, Илюхин летом все конфискует!" (*61)

Как говорится, комментарии излишни.

И все же слухи о прорыве в Снежной не могли не просочиться в "народ".
Читаем Усикова:

"После открытий 1977 года мы передали новые планы Снежной Ноздрачеву. Спелеологи МГУ дали слово без нашего разрешения не разглашать эту информацию и слово сдержали.

Произошел забавный случай. В Москву приехал спелеолог из Красноярска. Войдя в клуб, он первым делом обратился к Фурману с вопросом: "Ну, не томи, рассказывай быстрее, как вам удалось пройти Пятый завал в Снежной?" В зале наступила заинтересованная тишина. Спелеологи МГУ тоже обратились во внимание. У Фурмана глаза полезли на лоб:

– Там не было москвичей. Там вообще никого не было в 1977 году!

Ему да не знать, кто где был!

Красноярец оторопел и стал потом горячиться. Даже чертить схему, поясняющую, где, собственно, удалось пройти завал. Но Фурман смотрел на него, как на тяжело больного. Спелеологи МГУ тоже подошли поближе и стали восклицать:

– Надо же, а мы и не знали!

В общем, красноярец решил, что их секцию здорово разыграл какой-то шутник-спелеолог из Москвы, который в Адлере битый час заливал про Снежную... Кому же тогда верить?"

* * *

Поверим Тане Немченко, непосредственной участнице последовавших событий, и увидим их теперь уже глазами члена штурмовой группы – той самой, которую десять суток ожидали Шульц с Людковским в Университетском зале:

"Через год Даниэль и Саша организовали новую экспедицию. К ним присоединились Виктор Кондратьев из группы "Троглодитов" и Татьяна Немченко из МГУ, так что получилось две штурмовые двойки: Усиков – Немченко и Морозов – Кондратьев. Разведочный лагерь разбили в зале Победы и приступили к осаде Шестого завала. Каждый шел своим путем. Но удача снова сопутствовала Даниэлю. Через два часа акробатических лазаний в недрах завала перед ним, как всегда под землей – внезапно, распахнулись просторы неведомого зала. Это был очень тихий зал. Только редкие удары одиноких капель отмеряли ход времени. Огромные камни образовывали как бы гигантские ступени уходящей вниз лестницы. В глубине зала высилось природное строение: посредине площадки на двух колоссальных глыбах

лежала столь же массивная перемычка, напоминая мегалитическое культовое сооружение. Зал так и называли – "Дольмен".

Следующие за завалом 400 метров река протекала по широкому тоннелю и поэтому измельчала. Частые глыбовые навалы преодолевались без задержки. Но вот Снежная пещера одумалась и воздвигла Седьмой завал. Однако на этот раз каменный кроссворд был предложен уже опытным игрокам, и, выйдя лазаньем метров десять вверх по вертикальной стене, спелеологи оказались в небольшом зале, где со стен падал ручей, а на дне отыскилась сравнительно ровная площадка. Было все, что надо под землей для установки удобного, защищенного от паводков лагеря".

Лагерь был настолько удобным, что в августе 81-го года у входа в Снежную у меня родилась песенка "Седьмой завал".

Мы с Лешей выскребались из дыры,
Все в проводах, в снегах Большого зала
Искали мы тот проклятый порыв,
А вы сидели на Седьмом завале.

Мы вылезли и даже отоспались,
А через сутки отыскивали связь,
И услышали радостно: "Сидим в Седьмом завале.
Поспали вот, живем, не торопясь".

Весь вечер не смолкал магнитофон:
Высоцкий с "Бони М", сплетаясь, мчались в бездну,
Вы собирались вниз идти, но сон
Вам показался все-таки полезней.

И снова сутки минули, а мы
Привычно вам кассеты заменяли –
Что тут спешить и дергаться, увы,
Ведь вы, конечно, на Седьмом завале!
Вот новый день...
И я вас не дождался,
Сквозь буки, облака, катился вниз в запале,
И думал я, ничуть не обижаясь,
Как хорошо вам там – в Седьмом завале!
И вот на море я – волна о берег бьется!
Тревожиться, понятно, не пристало,
Но мысль шальная все нет-нет, да и вернется:
А вдруг все там же вы – в родном Седьмом завале?

Я сомневался зря. После воспетого в пещерном эпосе солидного отдыха с преферансом на Седьмом завале наши штурмовики установили тогда новый Всесоюзный рекорд. Но все это: наши с Лешей Лацисом поиски порванного на самом входе в пещеру телефонного провода, музыкальные передачи по этому самому проводу в глубь пещеры, новый рекорд страны – все это было потом: через три года. А пока...

"Нижний выход из зала был открыт, надо было лишь спуститься по лестнице на 10 метров на дно широкого каньона. По правому его борту вливались притоки и, как потом оказалось, когда на поверхности идут сильные дожди, эти притоки образуют эффектные водяные завесы.

Река, скрытая завалом, бурлила внизу, а дорога дальше шла слегка вверх по осыпи. Только метров через двести удалось спуститься к реке, к красивому пятиметровому водопаду, низвергающемуся в тесный каменный котел. Здесь каньон реки резко сужался, а расклиненные на разных высотах глыбы образовали как бы несколько эфемерных ярусов. Река была глубокой. Движение воды почти не ощущалось.

Снежная поднималась в списке глубочайших пещер мира выше и выше. Но очень медленно. Все время дорога шла вверх-вниз по завалам, как по зубьям гигантской пилы. Только после нескольких часов пути первооткрыватели услышали вновь гул и грохот воды – узкий "Каньон" превратился в "Гремящий" зал. Вырвавшись на волю, река неистово билась о камни, отчаянно падала с уступов и неуклонно устремлялась вниз. Куда?

Хорошо промытые камни высоко над водой свидетельствовали о том, что путешествовать по реке в плохую погоду небезопасно. Но о погоде ничего не было

известно. У телефониста на поверхности дети абхазских пастухов украли телефоны. (И Беляеву пришлось играть в конструктор из ремнабора по принципу "Сделай сам", прим. мои, С.К.Б.). Некоторое время положение спасал электронный наблюдатель за погодой. Каждые десять минут в двоичном коде он сообщал сколько стаканов воды проходит через его водосборную воронку. Но несколько дней назад, во время очень сильного ливня, он "захлебнулся", и что-то испортилось в электрической схеме. Поэтому приходилось постоянно следить за рекой: если вода начнет подниматься, нужно срочно искать пути к спасению.

После Гремящего зала пошли перекаты и быстрины. Река бешено неслась по уступам – шум, пена, брызги. И все время – вниз, вниз! По плану пещера делает здесь крутой поворот. Этот участок реки был назван "Зигзаг удачи" (во-первых, потому, что пещера набирала глубину, и это была удача! а во-вторых, потому, что только удача может спасти застигнутого здесь в недобрый час паводка спелеолога). Финальный аккорд этого участка был просто великолепен. Разогнавшись по наклонному ходу, река мощно обрушивалась двадцатипятиметровым водопадом. Его тут же называли "Рекордным". Вбить крюк не удалось: молоток сломался и улетел в черноту колодца. Буквально в сантиметрах от пульсирующей струи водопада удалось спуститься вниз на 15 метров. Здесь кончилась последняя лестница, так что полюбоваться снизу всем мощным сливом водопада не удалось".

* * *

Вот так в 1979 году группа "Снежная" перевалила Шестой завал, вышла на "Мелкую реку", миновала Седьмой завал, Гремящий зал и остановилась перед водопадом, справедливо названным "Рекордный". Для Снежной.

Потому что рекорд Киевской, даже укороченный Илюхиным, все еще оставался Всесоюзным.

Снежная дала "только" –940 метров.

Но... в отличие от КилСИ, она продолжалась!

***49 ВЦСПС** – Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов СССР.

***50 Б.Мартюшев** "Надо – сделаем". Красноярск. Из неопубликованного.

***51** Сборник "20 лет секции спелеологии МГУ памяти В.Алексинского, Е.Алексеевой", Москва, "Самиздат", 1982 год.

***52 МГРИ** – Московский геологоразведочный институт; МВТУ – Московское высшее техническое училище имени Н.Э.Баумана, ныне МГТУ – Московский Государственный технический университет.

***53** Имеются ввиду "Методические рекомендации маршрутно-квалификационным комиссиям, руководителям и участникам спелеопутешествий по обеспечению безопасности", составители текста М.П.Аронов, В.В.Илюхин, В.К.Шашурин. Москва, ЦРИБ "Турист", 1977 год, стр.48.

***54 Г.Бенце** "Спелеология дала мне друзей", сборник "20 лет секции спелеологии МГУ", Москва, "Самиздат", 1982 год.

***55** Этому беспрецедентному случаю был посвящен ряд публикаций советской периодической печати, в частности статья "Спасатель-каратель" в журнале "Турист" № 2, 1987 год. Была создана даже комиссия ЦС по Т и Э, выезжавшая на место для того, чтобы разобраться в ситуации, но Система всегда так или иначе защищала своих легионеров, тем более штатных работников, и дело, не дойдя до суда, было спущено на тормозах.

***56 В.Н.Дублянский и В.В.Илюхин** "Путешествия под землей", Москва, "ФИС", 1981 год, или "Методические рекомендации по технике спелеотуризма", разработчики С.М.Голубев, А.П.Ефремов, В.В.Илюхин, А.Ф.Рыжков, Москва, ЦРИБ "Турист", 1981 год, и другие. Не имея никаких претензий к В.Н.Дублянскому в части его карстоведческо-спелеологической информации, я отношу свои замечания к специалистам Центральной спелеосекции и другим соавторам, на ком лежала техническая сторона этих публикаций.

***57 Д.А.Усиков** "Глазами друзей", сборник "20 лет секции спелеологии МГУ", Москва, "Самиздат", 1982 год.

***58 А.К.Шульц** "Путешествие в пропасть". Из неопубликованного.

***59** Позднее оказалось, что водопад Рекордный находится на отметке –940 м.

***60 А.К.Шульц** "Путешествие в пропасть".

***61 Д.А.Усиков** "Глазами друзей", сборник "20 лет секции спелеологии МГУ", Москва, "Самиздат", 1982 год.

Константин Борисович Серафимов

"ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК"

www.sumgan.com